

суспільства, що дозволить формувати середній клас приватних власників – соціальну опору даної ідеології;

3. Готовність українського соціуму до сприйняття ліберальної ідеології. Якщо лібералізм соціально не підготовлений, то соціум може повернутись обличчям до “нового варварства” – авторитаризму, адже архаїчний соціум не потребує лібералізму (а також “свободи”, “демократії”) [5, с. 58].

Отже, перспектива лібералізації України і перетворення лібералізму на пануючу ідеологію в державі вбачається здійсненою лише через декілька десятиліть. Такі часові межі є реальними лише за умови швидкого подолання соціально-економічної кризи в державі, перетворення політичної еліти України із захисників власних інтересів на еліту з державницьким рівнем свідомості. В іншому випадку країну очікує чергова точка біфуркації, яка поверне Україну до авторитаризму як єдиної змоги зберегти державність, вижити соціуму. Саме здійснення аналізу і прогнозування політичних процесів в Україні і ролі політичної еліти у них виступає напрямом подальших досліджень автора.

1. Либерализм Запада XVIII – XX века. – М.: Институт всеобщей истории, 1995. – 228 с. 2. Консервативный либерализм / Под. ред. В. Пустарнакова. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 263 с. 3. Консерватизм, либерализм, социализм. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 167 с. – Сер. Политическая наука. 4. Політичні партії в Україні: Інформ.-довід. вид. / Ред. кол.: М. Рябець (голова) та ін. – К.: ЦВК, 2001. – 360 с. 5. Либерализм в России. – М.: РАН, 1996. – 451 с. 6. Политика: Толковый словарь – М.: ИНФРА-М, 2001. – 758 с. 7. Михальченко М.І. Україна як нова історична реальність: запасний гравець Європи. – Дрогобич: ВФ “Відродження”, 2004. – 488 с. 8. Українське суспільство: десять років незалежності / За ред. В.М. Ворони, М.О. Шульги. – К.: Інститут соціології НАНУ, 2001. – 662 с.

В. Чешко, В. Кулиниченко

БИОВЛАСТЬ И БИОПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Мишель Фуко вводит понятие “*биовласть*” в дискурс культурологии. Широкое распространение в философии, политологии, социологии оно получает в последнее десятилетие XX века, составив единый познавательный комплекс с понятиями биополитики, биоэтики,

биотехнологии и биомедицины [1], хотя эволюционно биовласть с властью связана с генетической преемственностью и ведет свое происхождение от нее [2].

С другой стороны, проблема биовласти интегрируется в методологию постнеклассической науки, поскольку последняя составляет неотъемлемую часть стратегии выживания, современного способа существования техногенной цивилизации.

Как известно, изначальным основанием западной культуры стала синкретическая триада категорий “Истина”–“Добро”–“Красота”. Нераздельность этих понятий не подвергалась сомнению вплоть до эпохи позднего средневековья. Эта триада составляла центральное ядро этики, теории познания и эстетики, как античности, так и христианства, на протяжении более чем двухтысячелетней его истории. Вероятно, впервые идею смыслового тождества исходных категорий этики и познания (“Истина есть добродетель”) выразил Сократ. Еще до конца XIX века она продолжала оставаться фундаментальным несущим элементом восточнославянской ментальности. Неслучайно поэтому Лев Толстой полагал понимание добра, красоты и истины непременным условием интеллектуального величия человека и христианина.

В эту триаду категория власти (по крайней мере, исходящей от человека), если и вписывалась, то лишь как антитеза Добру. В период средневековья утверждается дихотомия власти на духовную и светскую, а последняя в ментальности человека принимает форму “власти над смертью” [3]. Санкционированная властью насильственная смерть совершается с поразительной легкостью (по нынешним этическим стандартам) и по самым ничтожным, с современной точки зрения, поводам. Мера и символ светской власти тогда – размер виселицы [4].

А между тем в рационалистической философии западной цивилизации единство Истины и Добра начинает пересматриваться и отвергаться. Трансформационный процесс деконструкции был начат еще Макиавелли. В концептуальном поле рационалистической теории познания дилемма “Добро *versus* Власть” может быть истолкована как сведение извечного вопроса “Что есть истина?” к выбору одной из двух альтернатив – отождествлению истины либо с добром, либо с властью. Исходный принцип Френсиса Бэкона (“Знание – сила”, а в нашем контексте “Знание – власть”) стал первым шагом не только на пути формирования новой методологии научного познания, но и превращения его в элемент идеологии и стратегии выживания техногенной цивилизации. Кроме отмеченного выше, появление этого принци-

па свидетельствовало и о начале процесса обособления специфических концептуальных полей политики, этики и теории познания. В начале XX века в позитивистской философии завершился распад упомянутой выше триады, что нашло свое выражение в логическом обосновании этической нейтральности объективного знания.

Итак, сформировалось своего рода “Великое противостояние”, которое состояло в автономизации объективного знания (“*science*” в ее западном понимании, т.е. науки естествознания) от иных форм знания (в том числе социогуманитарного – “*arts*”). В новом логико-категориальном каркасе центральной проблемой методологии научного познания, становится сформулированная Витгенштейном, Шликком и Поппером проблема демаркации науки.

В рамках методологии логического позитивизма ее решение означает вычленение осмысленных (с точки зрения стандартных процедур верификации) научных теоретико-логических конструктов из общего вербального контекста и одновременно их противопоставление конструктам ранее культурного единого континуума.

Снижение социальной эффективности адаптивной стратегии Западной цивилизации в силу ее трансформации в “общество риска” (У. Бек), неизбежность в силу этого паритетности науки и иных форм освоения действительности (П. Фейрабенд, П. Тищенко) создало принципиально новую эпистемологическую ситуацию – интеграцию этических и эстетических компонентов в содержательную основу теоретического знания.

Наука наделяется сакральными чертами и признаками и претендует на объединение обеих ветвей власти. Власть над смертью ограничивается по масштабам и постепенно вытесняется властью над соматическим бытием человека. Бيوвласть последовательно принимает формы контроля над репродукцией, внешним обликом и внутренней организацией человеческого организма, его генетической конституцией.

Степень влияния биовласти становится настолько значительной, что начинает формировать расхождение векторов биологической и социокультурной составляющих эволюции человечества. Уже Фридрих Ницше акцентировал внимание на том, что власть и культура предоставляет преимущество в борьбе за жизнь биологически слабым индивидуумам и подавляет сильных [5].

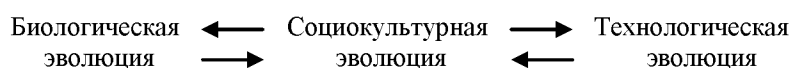
В конце XIX – начале XX веков наметился конфликт биовласти с другой базисной доминантой западного мышления – доктриной естественных прав человека. Для традиционного общества чувство тождественности отдельного человека со всеми представителями той же родоплеменной общности являлось безальтернативной ментальной

доминантой. Для человека современной Западной (техногенной) цивилизации мощным конкурентом доминанты родовой преддетерминации выступает примат свободы собственного “Эго” [6]. Этим, очевидно, объясняется экстремально негативистское восприятие развития технологии клонирования человеческого организма, которая является далеко не самой опасной с точки зрения потенциальных масштабов преобразования генома.

Нынешнюю фазу техногенной эволюции (технологической, Западной) принято называть “информационным обществом” и одновременно “обществом риска” [7]. Информационные технологии имеют общий цивилизационный вектор: как технологии манипулирования сознанием (изменения социокультурного кода) и как технологии изменения генетического кода, являясь одновременно *технологиями управляемой эволюции*.

С их появлением теоретическое естествознание приобретает человеческое измерение (В.С. Степин). Когнитивные модели естественных и гуманитарных наук оказываются взаимодополняющими в функциональном и перекрывающимися друг друга семантическом плане. Вследствие этого жесткое разграничение объекта и субъекта научного исследования и технологической манипуляции становится крайне сомнительным в инструменталистском и логически некорректным в методологическом аспекте.

До возникновения генетической инженерии связующим звеном между биологической эволюцией и технологическим прогрессом выступала материальная и духовная культура.

“Биовласть” становится символом начала третьего тысячелетия, своеобразным брендом завязанных в гордиев узел судьбоносных проблем современной стадии развития техногенной цивилизации. Прогресс информационных технологий превратил само психосоматическое бытие человека – содержание его сознания и генетической программы – в объект технологического манипулирования, а следовательно – социально-политического контроля и управления.

Культовый американский публицист и философ Френсис Фукуяма в книге с симптоматичным названием “Наше постчеловеческое будущее” беспартийно утверждает, что самая осязаемая угроза существованию человечества заключается в разработке эффективных технологий осуществления биовласти: “Агитпроп, трудо-

вые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм – ни один из этих методов не опирался на знание нейронной структуры или биохимической основы мозга, ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них”. И далее: “Природа человека формирует и ограничивает возможные виды политических режимов, так что если какая-либо технология окажется достаточно могущественной, чтобы переформировать нас, то это, видимо, будет иметь пагубные последствия и для либеральной демократии, и для природы самой политики” [8]. Вывод о “конце истории”, сделанный им же десятилетием раньше, оказался несколько преждевременным. “Приводным ремнем” социально-политической истории и биосоциальной эволюции XXI века становятся (среди других источников напряженности) биополитические коллизии. А следовательно, биополитологическая проблематика, связанная с механизмами осуществления биовласти, приобретает роль основного формообразующего фактора для будущей истории человечества.

Уже сегодня биовласть (истинная или виртуальная) становится одним из ведущих элементов глобальной геополитической стратегии. В конкретных фактах и событиях современной истории (СПИД, атипичная пневмония и птичий грипп, генно-модифицированные продукты, клонирование, легализация наркотиков и т.д. и т.п.) политологи и политические имиджмейкеры активно ищут (и находят) следы сознательного или спонтанного, тайного или явного, реального или виртуального использования новых биотехнологий в глобальнополитических целях (Подробнее см.: [9]).

Термины “*биополитика*” и “*биополитология*” появляются в начале 60-х годов. Очевидно, исходный импульс развитию этого направления дали публикации Л. Колдуэлла 1963 и 1964 годов.

Изначально биополитология понималась как редукция социополитических закономерностей к биологическим. Такой вектор понимания и развития биополитологии был задан еще Л. Колдуэллом [10]. Согласно толкованию современных справочников, термин “биополитика” оказывается полисемантическим по смыслу и поливариантным по происхождению. Так, в “Толковом словаре обществоведческих терминов” понятие “биополитика” употребляется в трех различных и не всегда сопоставимых смыслах [11]:

- 1) одно из основных научно-философских направлений социобиологии, целью которого является раскрытие и изучение биологических законов, лежащих в основе поведения людей;

- 2) комплекс теоретических идей, практических рекомендаций и действий экономического, экологического, правового, нравственного, политического и социального характера, связанных с пониманием и оценкой важности жизни на Земле, рассматриваемой как единое взаимосвязанное и взаимозависимое целое;
- 3) расистская политика, представители которой пытаются оправдать некоторые политические агрессивные или прямые военные акты, исходя из биологического, особенно расового превосходства.

В первом значении этого слова “биополитика” соответствует методологии биологического редукционизма. Во втором – тот же термин действительно представляет собой естественную реакцию политологического мышления на появление в этом концептуальном поле новых идей, порожденных техногенной цивилизацией.

О третьем понимании слова “биополитика” следует поговорить особо, поскольку оно получило достаточно широкое распространение на постсоветском политическом пространстве. Отметим, что в учебнике Ю.С. Тихонравова “Геополитика” термины “биополитика” и “расизм” отождествляются: “поскольку в качестве идеологического направления геополитика апеллирует к природным началам, ее можно отнести к так называемой “естественной (натуральной) идеологии”. Сюда же можно отнести течение, родственное геополитике, также акцентирующее внимание на естественных основаниях политических решений, – расизм, который по аналогии можно назвать биополитикой” [12].

На наш взгляд, подобная интерпретация является некорректной и бездоказательной. Политические проблемы возникали (возникают и будут возникать) там и тогда, где и когда социокультурное воздействие на психосоматическое бытие человека окажется дифференцированным в отношении различных социальных общностей. Понятие социальной общности содержательно изначально более многомерно в сравнении с понятиями расы, нации, этноса. А следовательно, биополитика не может быть редуцирована к своим этно-, расо- и генетической составляющей, и, тем более, подобная редукция не может оправдываться чисто идеологическими соображениями. Более того, подобные идеологические декларации оказываются достаточно опасными, поскольку устраняют из сферы методологического и научного анализа существенный фактор социальных рисков.

Особенностью развития биоэтики как междисциплинарной, гуманистически ориентированной методологии (и идеологии) биовласти в Украине, России и других странах, возникших после распада Советского Союза, стал ее “импортный” характер. Российский национальный

комитет по биоэтике (под эгидой РАН) создан в 1992 году, Комиссия по вопросам биоэтики при Кабинете Министров Украины – в 2000-2001 гг. Основой их функционирования стала западная методология и соответствующие организационные формы (впрочем, не вполне адаптированные к реалиям локальной политико-экономической и социокультурной ситуации). Историческое наследие тоталитарных режимов и неразвитость гражданского общества делают такую адаптацию достаточно специфической. Биоэтические комитеты на постсоветском геополитическом пространстве в большей мере, чем на Западе, испытывают воздействие политического прессинга и тенденций трансформации их в один из факторов административного ресурса. Иными словами, сохраняется тенденция авторитаризма, проявляющаяся в принципах их создания и функционирования, механизмах принятия решений. Таким образом, структура биовласти в Украине и России может сыграть как стабилизирующую, так и дестабилизирующую роль в процессе становления гражданского общества [13].

Биополитику в целом, как способ осуществления биовласти, можно отнести к одному из трех типов-стратегий:

- 1) либеральная стратегия – максимальное ограничение сферы применения прямого (административного, юридического, политического) принуждения, преобладание процессов самоорганизации, основанных на актах свободного информированного выбора;
- 2) репрессивная стратегия – прямой запрет на осуществление определенных модусов реализации биологических функций. Предполагает наличие достаточно мощного (но не обязательно эффективного) аппарата контроля;
- 3) рестриктивно-нормативная стратегия – ограничение и государственное регулирование тех модусов реализации биологических функций на индивидуальном и групповом уровне, которые выходят за рамки нормы, этически допустимой в данном социуме. Осуществляется относительно “мягким” путем – формированием соответствующей юридической среды и экономической конъюнктуры.

Отметим, что либеральная биополитическая стратегия не равнозначна ослаблению биовласти как таковой. Происходит перераспределение силы влияния между двумя механизмами ее осуществления – прямым (административная власть, право) и косвенным (этические нормы, общественное мнение, реклама и иные формы манипулирования сознанием и проч.). Следовательно, в чистом виде такая стратегия оказывается эффективной в развитом гражданском обществе при на-

личии уже сформировавшейся доминирующей системы этических приоритетов и относительно спокойных темпов изменений – в отсутствии острых социальных конфликтов, резких политических поворотов. В противном случае, при недостаточной мощности механизмов социально-политического гомеостаза, либеральная модель биовласти в сфере современных биотехнологий становится дополнительным источником риска и может выступать как достаточно мощный аттрактор, сам по себе тормозящий или же делающий невозможным процесс формирования гражданского общества.

В целом выбор биополитической стратегии и нахождение приемлемых вариантов решения конкретных биополитических проблем связаны с необходимостью учета действия факторов двух уровней сложности (которые, к тому же, способны к нелинейному взаимодействию друг с другом). В сфере сохранения или преобразования генетической идентичности человека к таким факторам относятся следующие.

Во-первых, глобальные социополитические, экономические и культурно-экологические факторы:

- 1) экологический кризис;
- 2) демографический взрыв;
- 3) дисфункции социокультурной и биологической составляющих эволюции человека (болезни цивилизации).

Во-вторых, региональные социополитические, экономические и культурно-экологические факторы:

- 1) особенности сложившейся генетической структуры населения, а также состав адаптивных генетических кластеров;
- 2) система культурных и ментальных стереотипов поведения и восприятия;
- 3) действующая система этических приоритетов;
- 4) эффективность и экономическая доступность системы здравоохранения;
- 5) направление и темпы экономических и социополитических процессов и обусловленный ими уровень психосоматического стресса.

Биополитические аспекты современного – переходного, кризисного – развития Украины наиболее четко проявляются в следующих аспектах:

- а) сопряженном изменении возрастной и генетической структуры популяций и их обеднении;
- б) “вымывании” из генофонда генотипов наиболее активной и профессионально подготовленной части населения вследствие эмиграции;

- в) зависимости этих изменений от социокультурных и ментальных стереотипов [14];
- г) усилении давления естественного отбора, особенно на ранних стадиях онтогенеза, вследствие общего ухудшения экономической ситуации, малой доступности и эффективности системы здравоохранения.

Любая стратегия выхода из глобального экологического и регионального социополитического кризиса как в случае “мягкого”, так и в случае “жесткого” сценария развития неизбежно приводит к необходимости усиления системы генетического мониторинга и коррекции негативных изменений в генетической структуре популяции. Следовательно, механизмы реализации биовласти по необходимости будут в недалеком будущем основываться на применении новейших генетических технологий.

В опубликованной в конце 90-х годов XX века книге “Консилиенс: Объединение знаний”, а позднее в интервью обозревателю газеты “Atlantic Unbound” Т. Лестеру [15] один из основоположников социобиологии Эдвард Уилсон формулирует два фундаментальных, с точки зрения методологии естествознания и гуманистической этики, тезиса:

- во-первых, развитие современной цивилизации делает абсолютно необходимым (и неизбежным в случае благоприятного сценария будущего человечества) синтез естественнонаучного и социогуманитарного знания;
- во-вторых, этот синтез будет осуществляться на основе концептуальной базы и понятийно-категориального аппарата естествознания (преимущественно биологии), поскольку для гуманитариев “поздно начинать поиски основополагающей дисциплины по примеру естественных наук, зарядившихся энергией для своих впечатляющих успехов... звезда философии закатывается”.

С первым тезисом, очевидно, согласится большинство ученых-естествоиспытателей, гуманитариев и технологов современности. Относительно второго утверждения такой вывод сделать нельзя. Утверждения о том, что интеллектуальный потенциал философии исчерпал себя, высказывались со времен возникновения позитивизма. Э. Уилсон ссылается на то, что большинство выдающихся философов современности на самом деле разрабатывают либо теоретические проблемы фундаментального естествознания, либо истории культуры, либо социально-этические и политические коллизии, связанные с развитием культуры, технологии. Вероятно, это справедливо.

Но вывод из этого можно сделать и прямо противоположный. Такой вывод будет не менее логически обоснованным. Наука не может решить самостоятельно те проблемы, которые выходят за рамки ее концептуального поля – постижения объективной истины. Между тем именно от конкретных, принимаемых сейчас или в ближайшие десятилетия решений биополитических проблем зависит судьба человечества.

XXI век – это не только век биотехнологии и генетики, это еще и век восстановления в правах практической философии. Философско-антропологическое и эпистемолого-методологическое осмысление феномена биовласти формирует новое (и весьма важное для будущего) концептуальное поле гуманитарного и естественнонаучного знания.

1. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологии. – М.: ИФРАН, 2001. – 177 с. 2. Подорога В.А. Власть и познание (археологические поиски М. Фуко) // Власть. – М., 1989. – С. 223. 3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – С. 253. 4. Кожурин А.Я. Три мифологемы “крови” в истории европейской культурной традиции // Социальная аналитика ритма: Сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 73-76. 5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Избр. произв.– М.: Сирин, 1990. – Кн. 1. – С. 287-288. 6. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Лань, 1997. 7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – С. 29; Бек У. Общество риска / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. 8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / Пер. с англ.– М.: АСТ, 2004. – С. 19. 9. Штаубе Г. Атипичные технологии // Спецназ России. – 2003. – № 6(81). 10. Caldwell L.K. Biopolitics, science, ethics and public policy // Yale Rev. – 1964. – Vol.54. – № 1. – P. 3. 11. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб., 1999. 12. Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. – М.: ИНФРА. – М., 2000. – С. 33. 13. Чешко В.Ф. Биэтика і громадянське суспільство // Вісн. НАН України. – 2002. – № 1. – С. 43–49; Чешко В.Ф., Кулиниченко В.Л. Наука, этика, политика: социокультурные аспекты современной генетики. – К.: Изд-во “ПАРАПАН”, 2004. – 228 с.; Кулиниченко В.Л., Чешко В.Ф. Биовласть и биополитика: психосоматическое бытие человека как объект манипуляций // Філософські науки: Сб. наук. праць. – Суми, 2005. – 208 с. 14. Апанасенко Г.Л. Биоэтика в политике государства // Другий Національний Конгрес з біоетики з міжнародною участю. – К., 2004. – С. 252–253. 15. Atlantic Unbound. – 18.03.1998.